

#ЛЕДИИЗНИОТКУДА

АННА МИНАЕВА

Наказание
жизнью

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Составитель серии *Алексей Бобл*

Разработка серийного оформления *Алексея Матвеева*

Иллюстрация на переплете *Андрея Литаева*

Минаева, Анна Валерьевна.

М61 Наказание жизнью / Анна Минаева. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Леди из ниоткуда).

ISBN 978-5-04-094261-9

Перерождения не бывает. Так ли это? А если твоя душа стала игрушкой в руках капризной богини? Все еще не веришь? Зря. Ты — игрушка Судьбы. Богини-Судьбы. И это твоё наказание. Теперь все зависит только от тебя.

Низведенный мир, носящий имя «Эннэлион», с радостью примет тебя в свои клыкасто-когтистые объятия. Сможешь вырваться из немилости богов? Сможешь выдержать все трудности и найти выход из сложившейся ситуации? Боги сделали ставки. Теперь твой ход.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Минаева А., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-094261-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

КАРТА СУДЬБЫ

Она кричала. Кричала от обиды, от злости и от боли. Лёгкие разрывало на части, обжигало огнём. А она кричала и не могла остановиться.

— Экая звонкоголосая у тебя дочь, Фрида. — Женщина в возрасте передала новорождённую девочку в руки матери.

Бережно приняв свёрток из одеял, в которых пряталось её маленькое сокровище, роженица улыбнулась. Спустя многие годы ей удалось выносить и родить здорового ребёнка. Хельмунд, конечно же, будет недоволен. Он хотел сына — наследника. Того, кому можно будет передать дом, землю и копые. Но малышка так громко заливалась криком, что Фрида совершенно забыла о муже.

Принимавшая роды Галия вышла из избы, тихо закрыв за собой двери. Остановилась на крыльце, прикрыла глаза и прислушалась к летнему ветру. Он нёс тепло с юга и перешёптывания луговых трав. Идиллию нарушили тяжёлые шаги. И как он добычу не спугивает? Женщина повернулась к подошедшему Хельмунду.

— Светлых дней, тёплых звёзд, — поздоровался охотник.

— Тихих ночей, попутных ветров, — ответила Галия, думая, как сообщить ему новость о том, что все надежды на наследника рухнули.

— Как себя чувствует Фрида?

— Она счастлива, — улыбнулась повитуха. — Только...

— Только? — В чёрных глазах всплыло что-то недоброе. Женщина почувствовала себя добычей, которую выследил хищник.

— Только я хотела поздравить тебя с рождением дочки.

Казалось, что мир померк перед его глазами. Дочка? Девочка? Как же так? Он трижды ходил к старой ведунье, и та трижды подтверждала: сын.

Хельмунд задержал дыхание, чтобы не закричать от разочарования. Это было бы недостойное поведение для мужчины, для охотника.

— Ты ничего не перепутала?

— Что можно перепутать? — Галия отвела взгляд от соседа. — Девочка. Совсем кроха с чистым звонким голосом, будто весенний ручей.

— Спасибо за помощь. Следующая добыча достанется тебе. А теперь иди домой, я хочу побыть со своей семьёй.

Тяжело ступая, Хельмунд поднялся на крыльцо дома, который построил своими руками. Открыл дверь и замер на пороге, собираясь с мыслями. Мужчина слышал тихое пение жены и всхлипы своего ребёнка. Дочери.

Прошмыгнув мимо соседа, Галия поспешила

убратся домой. Главный охотник был слишком вспыльчив и вполне мог обвинить женщину в том, что она специально достала из его жены не сына, а дочь. Но такая мысль даже не закра-лась в голову отца. Хельмунд решил всё же ещё раз сходить к ведунье, пусть объяснит, что это всё значит. А сейчас он хотел только одного — увидеть свою семью.

Фрида лежала на узкой деревянной лежан-ке и баюкала на руках затихший свёрток. Из кучи пелёнок выглядывало круглое покрас-невшее личико со вздёрнутым носиком. Ребё-нок спал, иногда тяжело вздыхал, будто о чём-то ведал.

— Я могу взглянуть? — Мужчина остановился в дверях небольшой комнатки.

Стараясь не сбиться с напеваемой мелодии, женщина подняла на него тёмные глаза и кивну-ла головой, подзывая мужа. Тяжёлый шаг тут же сменился на лёгкую поступь. Охотник, казалось, вновь крался к добыче, занося копьё для смер-тельного удара.

Малышка, будто почувствовав приближение, распахнула глазки и слишком осмысленным взглядом уставилась на отца.

— Фрида, — прошептал мужчина, забыв, что хотел сказать.

— Правда, она красавица? — улыбнулась жен-щина, продолжая качать дочь.

Он согласно кивнул. И пусть ребёнок сейчас не сильно походил на прекрасное создание, в душе отца шевельнула пушистым хвостом нежность.

— Правда.

Непроглядная тьма съела, казалось, весь мир. Ночь упала своим грузным телом, скрыв всё от взора богов.

Скрипнула дверь, на пороге кто-то был. Если бы только можно было разглядеть... Послышались шаги, потом что-то зашуршало, затрещало, и пламя, занявшееся на изголовье специального дровяка, осветило худое удлинённое лицо. Глаза мужчины несколько минут привыкали к свету, что разгонял плотную, как смёрзшийся снег, тьму. Подняв факел над головой, Хельмунд сделал несколько шагов к плетню, который ограждал территорию его семьи. Мужчина замер и прислушался — в доме захныкала малышка. Он зажмурился, слушая, как стучит его сердце. Если Фрида заметит его отсутствие — быть беде. Но женщина подхватила дочь и отошла от окна, чтобы покормить её, и не заметила пятнышка света на заднем дворе.

Ноги охотника тонули в высокой жёлтой траве, носившей название ратиния. Её посеяла Фрида. Считалось, что места, где растёт ратиния, защищены богами, несут удачу и ограждают от бед. Хельмунд отмахивался от суеверий, но позволил жене посеять растение только потому, что ратинию ещё использовали для отвара от головных болей, которые так мучили мужчину. Начались они пять лет назад, после одного случая.

Он и ещё четыре охотника набрали на гридней. Разл не успел даже занести копьё, а раздвоенный хвост съел ему голову. К счастью охотников, гридней было всего двое. Одна из тварей — детё-

ныш. Из плохих новостей: взрослый гридень был самкой. Она рычала, серое длинное тело было напряжено, хвост метался из стороны в сторону. С длинных острых зубов капала слюна. Бестия защищала своего ребёнка. Хельмунд знал, что яда для замедления у них не хватит, а в честном бою убить ловкую тварь вряд ли удастся.

Главный охотник не успел дать клич к отступлению. Она напала.

Один из охотников надеялся на лёгкую добычу и хорошую награду, занёс копьё для удара. Шкура гридней состояла из множества мелких, но очень прочных серых чешуек. Если не сильно повредить, то можно сшить крепкую одежду для таких как он — для охотников. А зубы и когти с радостью купит кузнец Тэйн. Он мог переплавить их и сковать добротные наконечники для охотничьих копий или даже меч. О таком мечтал каждый охотник деревни, но ни у кого не хватило бы денег или материалов для желаемого оружия.

Хельмунд крикнул, но не услышал своего голоса.

Один из мужчин метнул пропитанный ядом нож в монстра. Но остриё не пробило защиту. А только разозлило бестию. Она изогнулась и прыгнула на обидчика. Острые зубы, лязгнув, перекусили шею. Осталось трое. Заляпанная кровью морда повернулась к охотникам. Широкие ноздри затрепетали, втягивая запах чужаков. Узкие, близко посаженные глаза определили следующую жертву. Хельмунд почувствовал, как смерть по-дружески сжала его плечо. Вцепив-

шись в древко, охотник направил наконечник своего копья на гридня. Надо было бежать!

— Время показать ей, кто тут добыча, — усмехнулся один из выживших.

Охотники понимали, что у них остался только один путь, и вступили в бой. Хельмунд бросился на самку, выставив перед собой копьё, та зарычала и откинула его со своего пути хвостом. Остриё на кончике пришлось по мужскому лицу, раздирая кожу до мяса.

Тогда он хорошо приложился головой о камень и потерял сознание. Он выжил. Остальные — нет. Самка не тронула его. Охотник и сам не знал почему. Судьба отвела от него беду. Видимо, у неё были на него свои взгляды.

О том случае напоминает лишь шрам, тянувшийся через всю левую половину лица. Да головные боли. Раньше отвары из ратинии снимали их полностью, теперь лишь заглушают. Потому и стал ходить охотник к лесной ведунье. Той, кого зовут Эфрикс. Женщина готовила отвары из неизвестных ему трав и ягод, которые помогали изгнать противную сжимающую боль. А также могла предсказать погоду и сделать амулет, приносящий удачу, что было очень полезно для охотников. Хельмунд не знал, помогает ли ему каплевидный кулон на нитке, но отказаться от подарка не смог. Сейчас же он шёл к ведунье не как друг, а как недовольный и обманутый человек. Именно Эфрикс трижды за беременность Фриды пообещала охотнику наследника. Того, что будет сражаться и защищать; убивать и добывать. А родилась девочка. Зачем она его обманула?

Дом ведуньи был спрятан стеной густого леса и стоял у истока реки, что протекала через деревню и бежала голубой змеей на запад. В окнах стояла тьма, Эфрикс уже спала. Но охотника это не смутило. Он пришёл почти в сердце Рощи без оружия и не уйдёт, не получив ответа.

Тяжёлый кулак опустился на деревянную дверь три раза. Послышалось шевеление, зажглась свеча, и дверь отворилась. На пороге стояла женщина в возрасте с длинными, почти до пят, белыми волосами. Сонный взгляд недовольно ощупал лицо гостя, остановившись на шраме:

— Чего тебе?

— Светлых дней, тёплых звёзд, — произнёс Хельмунд, наклоня голову.

— Тихих ночей, попутных ветров, — пробурчала ведунья в ответ, пропуская охотника в дом.

В полупустой комнате на столе горела свеча. Под потолком сушились травы. С широкой лавки свисало тёплое одеяло, в которое, по всей видимости, куталась старуха.

— Случай на твою голову. Какого ляда так поздно? — Эфрикс присела на один из стульев у стола.

— Сегодня Фрида родила мне ребёнка.

— Поздравляю. В чём проблема? Он болен?

— Нет, ребёнок здоров. Проблема в том, что ребёнок — девочка.

Хельмунд мог поклясться, что лицо ведуньи побледнело. Её предсказание впервые оказалось ложным.

— Я правда видела мальчика, — она нервничала.

— Тогда почему Фрида сейчас кормит девчонку?!

— Я могу разложить карты и спросить у них ответа, — предложила женщина.

Охотник кивнул головой и молча опустился на второй стул. Он наблюдал, как Эфрикс мечется по комнате, доставая всё необходимое для ритуала. Колода потрёпанных карт из бересты легла рядом с большим ритуальным ножом. Женщина разрежала ладонь и оставила отпечаток на столешнице, затем взяла в целую руку карты и рассыпала по столу. На красный отпечаток ладони легло пять из пятидесяти. Зажав раненую руку в кулак, Эфрикс перевернула первую из карт и заговорила:

— Вестник перемен говорит о том, что первые мои прогнозы были верными. Но что-то помешало им воплотиться. Ты должен был получить наследника.

— Что говорит вторая карта? — Хельмунд заёрзал на стуле, как нетерпеливый мальчишка.

Сморщенные старостью пальцы перевернули второй кусок бересты. На них смотрела красивая высокая женщина в белых одеждах.

— Богиня судьбы. Неужели сами боги вмешались в беременность?

Третья карта показала нож с каплями крови.

— Смерть, только не вижу чья.

Четвёртая карта изображала небольшой домик и человека.

— Ты зря расстраиваешься, охотник, будет у тебя наследник. Эта карта говорит о том, что твоё копьё и твой дом перейдут по наследству.

Пятая карта оказалась пуста.

— Что это значит? — Хельмунд непонимающе посмотрел на ведунью, пустая карта выпала впервые за всё время, что она ему гадала.

— Человека, на которого разложены карты, нет. Это значит, что ребёнка не существует.

Глава 2

О ЧЁМ ГОВОРЯТ ЗВЁЗДЫ

Из хижины ведуньи Хельмунд вышел через час. Плечи поникли, он еле переставлял ноги. Слова Эффрикс снова и снова звучали в его голове:

— Малышка не существует. Её не видят карты.

Охотник даже не знал, что и думать. Если человека не видят карты, он или мёртв, или отвергнут богами. Ведунья говорит, что на её памяти пустая карта выпадала всего раз, когда она делала расклад на будущее погибшего человека. Сейчас же его ребёнок был жив и здоров. Неужели боги отвернулись от дочери?

Утром Фрида странно посматривала на мужа. Охотник нянчился с малышкой, помогал по дому. Всё бы ничего, но женщина ловила его взгляды, кинутые на дочь. Так смотрят на нечто пугающее, отталкивающее. Фрида не отличалась выдержкой, потому уже через полчаса таких взглядов заговорила:

— Хел, что происходит?

— Ты о чём?

— Что не так в нашей дочери, почему ты так странно на неё смотришь?

— Я пытаюсь привыкнуть к мысли, что у меня родился не наследник. — Хельмунд пожал плечами. Ему не хотелось обманывать жену, но и правду сказать не мог.

Фрида опустила глаза, вина себя в том, что не смогла оправдать ожиданий любимого мужчины:

— Через год мы снова можем попробовать...

Она не знала, что меньше чем через год Хельмунда не станет. Он уйдёт охотиться на оуксюков, которые погрызут два дома у леса.

До этого случая существа считались нейтральными и не нападали первыми на людей. Были медлительны и неповоротливы. Питались деревом, а не мясом. Но, собираясь в стаи, могли противостоять многим быстрым и опасным тварям. Трёх охотников, выделенных старейшиной на устранение вредителей, не хватило. Выжил только один, он сбежал сразу после того, как оуксюки напали первыми. Но и беглец прожил недолго — один из оуксюков, по всей видимости самый быстрый, прокусил мужчине вену на ноге. Кровь вскипела от яда, и охотник в ужасных муках скончался через неделю уже в деревне.

Но тогда они об этом ещё не подозревали.

Хельмунд приобнял жену за плечи и неловко чмокнул в губы:

— Конечно, попробуем. Я никуда от тебя не денусь.

Но у судьбы были другие планы.

Смерть главного охотника изменила намного больше, чем казалось с первого взгляда. Группа охотников потеряла своего лидера, и начались

долгие и нудные состязания. Никто не ходил в лес, не добывал пищу, мужчины сражались друг с другом. Овощи, собранные с огородов и полей, заканчивались. Это было время голода для деревни Гудрас.

Жители селения зывали к старейшине, но тот разводил руками:

— Таковы обычаи. Всегда так было. И если мы не хотим рассердить богов, терпите.

Наступили тяжёлые времена и для семьи Хельмунда. Фриде пришлось оставлять маленькую дочь дома саму. Вдова уходила почти на весь день. Она и ещё десяток женщин собирались в доме у старейшины и плели нити из шерсти, что приносили охотники; занимались выделкой шкур и шили одежды. Это был тяжёлый и изнурительный труд. Но тот серебряный шурль, что получала женщина за две недели работы, кормил её дочь и саму Фриду.

Ещё не получившая своего имени малышка была предоставлена сама себе. Только в обед мать прибегала домой, чтобы накормить дочь, и вновь возвращалась к работе. Несколько раз жена Хельмунда просила Орцеда позволить ей забирать шкуры домой и обрабатывать их там. Но старейшина был непреклонен, а после в очередной раз поднятой темы намекнул на то, что многие хотели бы получать такие деньги, как она.

Малышке было всего три года, когда она познакомилась со своим первым другом. Он был чуть выше её и чуть старше. Парнишкой оказался сын кузнеца. Как и у всех детей до семи лет, у него не было имени.